

Но этот посыл тогдашняя власть игнорировала, не приняла, отвергла, и исторический шанс был упущен. А результатом стала – позже, через тридцать лет – трансформация не в более человечный социализм, а в капитализм олигархического типа, который мы так или иначе имеем и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. – М. : Алгоритм, 2010.

HOW AND WHY THE 60s COLLAPSED

V. G. Khoros

The attempt to critically analyze the reasons for which the positive changes started in the Soviet economy, political life and culture after 1956 were not continued later and for which the socio-political regime bearing the features of voluntarism and dogmatism triumphed again in the USSR is made.

Renovation traditions, economic indulgence, permanent shortages, hasty innovations, attacks on the Church, party and bureaucracy leaders.

Статья поступила 23 марта 2018 года

УДК 82-94 (470) «196»

ГОРЬКАЯ ИСПОВЕДЬ «ШЕСТИДЕСЯТНИКА»

Ю. В. Лебедев

Статья основана на личном опыте и личных впечатлениях «шестидесятника», вынужденного наблюдать, как и в связи с чем изменились духовные устои русской нации от военных лет к «оттепели» и «перестройке».

Православие, русский социализм, национальные корни, экономическая ипостась, пассивное созерцание.

Мы – последние этого века.
 Мы великой надеждой больны.
 Мы – подснежники. Мы из-под снега,
 Сумасшедшего снега войны.
 Доверяя словам и молитвам
 И не требуя блага взамен,
 Мы по битвам прошли, как по бритвам,
 Так, что ноги в рубцах до колен.
 Но в конце прохрипим не проклятья –
 О любви разговор поведём.
 Мы – последние века. Мы – братья
 По ладони, пробитой гвоздём.

В. Костров

В моей сельской школе отмечался во время войны только Новый год. Советские праздники всегда проводились в клубе. Наряду с концертами художественной самодеятельности здесь по официальным датам оглашались так называемые «доклады». Их делал обычно, как по трафарету, живущий в нашем селе престарелый член ВКП(б). Дееспособные коммунисты были на фронте. В моём детском сознании от этих «докладов» ничего не оставалось, кроме патетических слов. Дома я повторял их к удовольствию бабушки и прабабушки. Забираясь на высокий стул, жестикулируя, потрясая кулачком, я громко и торжественно выкрикивал: «Партия Ленина! Партия Сталина! Партия большевиков!» Старые попадьи, посмеивались: им моя «импровизация» нравилась. Мама же, учительница русского языка и литературы из крестьянской семьи, строго меня останавливала. Я не понимал, почему она лишает меня радости произношения таких «вдохновенных» слов.

Однажды мы с бабушкой слушали в сельском клубе такой же точно доклад. Это было 7 ноября 1944 года. Те же самые слова долетали до моего уха и укладывались в давно отточенное приветствие. И вдруг, в самый патетический момент доклада, когда с поднятым кулаком славословила «партия Ленина, партия Сталина, партия большевиков», в зале раздался угрожающий треск, и пол под скамьями зрителей стал медленно оседать. Мы с бабушкой сидели в первом ряду, и она меня тут же перетащила на кирпичную балюстраду перед сценой. Когда мы оглянулись назад, открылась невесёлая картина: пол на всём пространстве зала обвалился до земли, над ним поднималось облако пыли, из которого торчали головы испуганных и ошарашенных зрителей.

Кроме незначительных ушибов и синяков, никто серьёзно не пострадал тогда, но, с накоплением жизненного опыта, это событие стало осознаваться, как некое предзнаменование. Весь мой жизненный путь сопровождался омертвлением государственной идеологии, оскудением духовной основы её идеалов.

Советская власть допустила непоправимый просчёт. Она была крайне невнимательна и даже высокомерна к национальным святыням, к мировоззренческим устоям тысячелетней России. Она хотела подменить собою религию. Устами Ленина она назвала Достоевского «архискверным писателем» именно за то, в чём Достоевский видел духовную опору и незыблемые устои «русского социализма»:

«...Народ русский в огромном большинстве своём – православен и живёт идеей Православия в полноте, хотя и не понимает эту идею ответчиво и научно. <...> Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм!» [1, т. XXVII, с. 18–19].

В письме к А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 года Достоевский утверждал: «И вообще, все понятия нравственные и цели русских – выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте. Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с Православием, Вы правы), и это совершится в какое-нибудь столетие – вот моя страстная вера» [1, т. XXVIII, с. 260].

Социализм действительно постучался в двери России начала XX столетия, потому что неосознанно для самовлюблённых марксистских идеологов опирался не столько на их учение, сколько на тысячелетнюю православную традицию. Павка Корчагин, герой романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь», видел смысл своей жизни в жертвенном служении человечеству: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества» [2].

Вспоминая уроки учителей в сельской школе 1940–1950-х годов, я не могу не признать, что наши добрые наставники, многие из которых сформировались ещё до революции, воспитывали детей, опираясь на заветы тысячелетней национальной духовности. Вслед за Достоевским, не называя его имени, они основывали свой взгляд на социализм, «свои убеждения, надежды и идеалы, на нравственном чувстве человека, на духовной жажде человечества, на стремлении его к чистоте, а не к муравьиной необходимости» [1, т. XXIII, с. 37]. Они убеждали нас, что смысл жизни не в материальном преуспевании, что «не хлебом единым жив человек».

Однако шли годы, и национальные корни в духовных устоях советских людей расшатывались, истончались. «Ахиллесовой пятой» марксистской идеологии было отрицание бессмертия человеческой души. Она упорно утверждала мысль, согласно которой человеку дано лишь временное существование.

При отрицании бессмертия в советских людях с годами всё более и более утверждались эгоистические, грубо материальные страсти. Советский человек свёртывал свои духовные крылья и прижимался к плоти земного бытия. Отсутствие убедительной духовной вертикали в марксистской философии и послужило истинной причиной краха Советского Союза. «Рыба тухнет с головы». Колонна предателей вышла из высших партийных кругов СССР. По справедливому замечанию одного из моих современников, «поток „трофеев“, который высшими военными и партийными работниками эшелонами ввозился в страну после Победы, поразил Сталина, и остановить это стало возможно только рядом показательных

порок и репрессий. Но как лакмусовая бумага, стяжательство высшего окружения Сталина высветило факт возникновения новой и упрямой касты, чьи растущие аппетиты уже угрожали не только вождю, но и всей политической системе социализма, мешавшей властителям наслаждаться властью. Партийные работники имели домашнюю прислугу в виде домработниц и стремились всячески обособиться от „подлого народа“, в любви к которому они вынуждены были клясться по долгу службы, ибо этого лицемерия от них требовали условия сохранения власти и проникновения во власть. Их дети это видели и сразу поняли: система лишает их того, что они получили бы, не будь социализма – наследуемого богатства. В семьях партийного руководства два поколения сливались в ненависти к строю, который их грабил, как они уверенно полагали. Не дал им всё, что у них есть – в этом они благодарили только себя, а лишал их полноты счастья – и в этом был виноват строй. Система закрытых спецраспределителей и спецснабжения решала их бытовые проблемы, становясь целью в борьбе за власть, её смыслом. Но аппетиты только росли. Получать пайки в виде курицы и блока сигарет „Мальборо“ вкупе с талонами в торгсин им казалось унижительным. Хотелось большего. После гэдээровских костюмов и итальянских ботинок хотелось яхт и дворцов. Фермент дальнейшего разложения элиты был заложен самим партийным руководством» [3].

И опять-таки нельзя не признать пророческую мудрость Достоевского. В «Записной тетради 1875–1876 гг.» он заявлял: «Я убеждён, что судьёй Европы будет Россия, она придёт к нам с коммунизмом, рассудить её. И Россия решит всё вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением. Всё в будущем столетии» [1, т. XXIV, с. 147].

* * *

С 17 по 31 октября 1961 года в только что отстроенном Кремлёвском Дворце съездов в Москве проходил XXII съезд КПСС. На нём был принят «Моральный кодекс», призывавший к добросовестному труду на благо общества. Кодекс повторял в усечённом виде некоторые христианские заповеди. Он был включён в Третью программу КПСС, которая завершилась печально знаменитой, полной трагической иронии фразой: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Но в своём понимании коммунистического общества партия стала упорно выводить на первый план экономическую, а не духовную его ипостась. Поэтому моральный кодекс «повис в воздухе». Обозначился новый и чуждый нам, детям войны, номенклатурный «идеал» – мещанское благополучие. Воспитанные на старых социалистических традициях, мы мерили человеческое счастье и достоинство не богатством, а смысл своей

жизни видели не в накоплении вещей, но в нравственном восхождении, в духовном становлении человека.

Меркантильная установка «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения» энтузиазма в моём поколении вызвать не могла. К тому же партбюрократия попала в заведомую ловушку. В нашей северной стране с «рискованным земледелием» да ещё и беспощадно разорённой войной, безумно было соперничать с Америкой, которая на разорившей нас и Европу бойне самодовольно разбогатела и разжирела. Но более того! Если бы провозглашённая партией цель оказалась каким-то Божьим чудом достижимой – она и в этом случае не могла бы воодушевить нас.

Символ партийной веры в глазах детей войны, к поколению которых я себя отношу, потерял вдохновляющую силу. «Оттепель» обернулась неизбежным «застоем». Пришло время нравственной деградации, духовного растления и лжи, когда партийное словоблудие заполонило всё, когда воры стали снисходительно называться «несунами». Руками таких «несунов», будущих «олигархов», спустя десятилетие, и завершилась «оттепель» предательской «перестройкой», ядовитыми плодами которой мы до сих пор неизбежно отравляемся.

Подрубая сук, на котором держалась советская государственность, XXII съезд с новой силой возобновил истошную борьбу с культом личности Сталина. Были переименованы города, названные в его честь, уничтожены памятники. В ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года тело Сталина тайно выволокли из Мавзолея и бросили в могилу у Кремлёвской стены. Война партийной номенклатуры с мёртвым вождём стала напоминать предательскую возню. Игорь Дедков, в своей последней книге, восстанавливая реакцию молодёжи шестидесятых годов на партийную борьбу с культом личности Сталина, писал: «Возможно, уместно вспомнить, что мой собственный отход от сталинизма (в 53-м мне было девятнадцать лет) начался с острейшего желания защищать Сталина. Казалась нестерпимой воровская лёгкость, с какой его имя исчезло со страниц газет. Ещё накануне большие и малые вожди молились на него, не знали, как ещё угодить, а тут принялись рассуждать о роли народных масс в истории, о пользе коллективного руководства. Нравственное чувство было оскорблено. Ведающие, привычно таясь и фальшивя, требовали от неведающих прежнего покорного подчинения и послушного следования за собой. Службы госбезопасности заблуждались, когда искали корни оппозиционных настроений, прежде всего, в личном неблагополучии, в западных „радиоголосах“. Протест вырос из поправленного чувства справедливости и правды» [4, с. 49].

А спустя тридцать лет нам пришлось быть свидетелями чудовищного предательства, о котором с горьким сарказмом написал недавно мой ровесник Сергей Анатольевич Сокуров: «...вся советская элита, то бишь партийно-хозяйственная номенклатура, толкаясь, как на дешёвой распродаже, стала менять партбилеты (красные книжечки, что носили „под сердцем“) на лицензии. Те давали право действовать по-капиталистически, что ещё вчера той же элитой расценивалось (правда, „на публику“) как преступление. „Ум-Честь-Совесьть Эпохи“ легко отреклась от развитого социализма.<...> Фактически отреклась от Родины, ибо стало не зазорно поменять её на другую» [5].

* * *

В начале шестидесятых годов, когда партия стремительно теряла народное доверие, я упорно оставался беспартийным, несмотря на «номенклатурную» должность заведующего кафедрой литературы. О необходимости вступления в партию периодически напоминало мне институтское начальство. Но надо сказать, что мои партийные коллеги, сохраняя лояльность, воздерживались от прямых преследований: я оставался на ответственном в те годы вузовском посту беспартийным заведующим в течение тридцати лет!

Многие люди моего поколения, и я в том числе, оставались пассивными созерцателями надвигающейся катастрофы. Вину за случившийся распад великой страны с нас, детей войны, снять нельзя. Наш протест не шёл далее нигилистического неприятия омертвевшей идеологии, недоверия к оказённой исторической науке. Мы приспособилось к царившей на поверхности жизни конъюнктуре, юношеский протест со временем приглушался, а то и вообще улетучивался. Мы предавались критике всего и вся в узком кругу единомышленников. «Кухонная» демократия в эпоху брежневского застоя процветала. Но толку от неё не было никакого. Скорее, она приносила вред, потому что духовная энергия перегорала в самой себе, не входила в общественную жизнь, не приводила к переменам.

Вспоминается мой незавершившийся диалог с дорогим для меня и для многих костромичей Игорем Александровичем Дедковым. Всё началось с «перестроечных» скандалов в Костромской писательской организации. Придя домой с этого заседания, я написал Игорю письмо. В нём я высказал впервые свои горькие мысли о «перестройке». Мне казалось, что она лишена корней, почвы, здоровых сил. А потому ждать от неё благотворных перемен не приходилось. Игорь со мной не соглашался, а на моё письмо ответил так:

«Дорогой Юра, ничего, всё нормально, тебе вмешиваться не стоило, ты сказал хорошо и к месту. А что касается нашей „молодости“, то при

всей нашей усталости и опытности, всё-таки хочется надеяться... Ты прав, сил прежних нет, то есть, нет времени для нового энтузиазма и деятельности, но что-то можно всё-таки подталкивать и иногда хочется в последний раз „внести вклад...“ Это печально, если студенты теперь такие... Как же тогда быть? Кого винить? Из каких пушек стрелять, чтобы разбудить?

Ничего, я всё-таки верю, что сделать можно многое» [6].

С этим настроением он и уехал в Москву «делать многое». Но уехал-то он не в «Новый мир», а в журнал «Коммунист». Связь с ним после его отъезда у меня фактически прервалась. Игорь, с его искренним стремлением «внести свой вклад», ушёл из жизни в тот момент, когда он оказался среди «партийных» оборотней и предателей, почувствовал себя не у дел, на обочине истории.

«Всё было бы иначе, если б мы вовремя освоили науку цинизма, – с горькой иронией сказал он нам на прощание. – Но ничего уже не изменишь. Поздно. Это глубокий порок. Он мешал вчера, мешает и сегодня. Если б не он, как просто было бы вписаться в лучезарную картину наших дней, где, почти по Брехту, нищие нищенствуют, гулящие гуляют, воры воруют, ораторы ораторствуют, торгаши торгашествуют, бесстыдные бесстыдствуют, демократы донашивают демократические одежды, сталинисты перелицовывают старые кителя, а бедствующие бедствуют... И старая русская поэтесса за несколько дней до смерти растерянно произносит: „Я чувствую, что меня нет и даже никогда не было“... Почему Александр Блок в двадцать первом году написал: „Но не эти дни мы звали“?» [4, с. 8].

Таким удручающе горьким оказался итог жизни многих из нас, из тех, кого почему-то до сих пор называют «шестидесятниками». Это неверное определение. Точнее сказал о «детях войны» русский поэт, наш земляк, костромич Владимир Костров:

Время быстро идет по маршруту,
Бьют часы, отбивая года,
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.
Так обнимемся. Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы – подснежники. Мы из-под ёлок,
Мы – последняя нежность войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 27. – Л., 1984.
2. Островский Н. А. Как закалялась сталь [Электронный ресурс]. – Ч. 2, гл. 3. – Режим доступа : http://librebook.me/kak_zakalialas_stal/vol2/3 (дата обращения: 19.02.2018).

3. Халдей Александр. Гул приближающегося землетрясения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zavtra.ru/predchuvstvie_haldej (дата обращения: 19.02.2018).
4. Дедков И. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. Заметки о литературе, истории и нашей быстротекущей абсурдной жизни. – М., 1995.
5. Сокуров С. О «классовой неприязни» и еще кое о чем, в тональности Ивана Федорова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zavtra.ru/blogs/o_klassovoj_nepriyazni... (дата обращения: 19.02.2018).
6. Личный архив автора статьи.

BITTER CONFESSION OF “A MAN FROM THE 60s”

Yu. V. Lebedev

The paper is based on personal experience and personal impressions of a man from the 60s who had to watch how and for what reason the spiritual values of the Russian nation have changed since the time of the World War II, the “thaw period”, and the “perestroika period”.
Orthodoxy, Russian socialism, national rules, economic hypostasis, passive contemplation.

Статья поступила 27 февраля 2018 года

УДК 82-94 (470) «196»

МОЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

В. В. Тихомиров

В статье на основе личного опыта автора прослеживается процесс становления самостоятельной жизненной позиции путём преодоления догматического «совкового» мышления и роль «оттепели» конца 1950-х годов в этом процессе.

«Оттепель», коммунистические идеи, марксизм, атеизм, демократия, гражданское общество.

Ощущение того, что в стране начинает что-то меняться – или должно измениться – возникло у меня не случайно. Из разговоров родителей-коммунистов я узнал о закрытом письме ЦК КПСС – оно читалось на партийных собраниях. В письме пересказывались материалы XX съезда КПСС, говорилось о докладе Хрущева, в котором шла речь о беззакониях сталинского режима, о репрессиях, об отсутствии свободы слова – о культе личности Сталина.

Жили мы тогда во Львовской области, где отец после войны продолжал служить в армии. Проблем во взаимоотношениях с местным населением не было, особенно у моего, младшего поколения, но, как оказалось, до поры – до времени. В 1956 году, особенно после венгерского вос-